

*Тебе показалось.
Классика газлайтинга.*

Магистраль. Главный тренд

Федор Достоевский

**Тебе показалось.
Классика газлайтинга**

«ЭКСМО»

Достоевский Ф. М.

Тебе показалось. Классика газлайтинга / Ф. М. Достоевский —
«Эксмо», — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-253533-8

Иногда самое страшное происходит не тогда, когда тебе лгут, а тогда, когда тебя убеждают не верить себе. Классическая литература отлично знала этот сюжет задолго до того, как у него появилось название. Сомнение в собственной памяти, подмена реальности, чужой голос, который звучит убедительнее внутреннего, – всё это уже давно описано в прозе XIX и начала XX века. В этих текстах газлайтинг ещё не стал термином, но уже работает как механизм: лишает опоры, искажает происходящее, заставляет сомневаться в своих чувствах и в собственном рассудке. Этот сборник – о том, как легко потерять почву под ногами, если кто-то слишком настойчиво объясняет тебе, что ты всё поняла неправильно.

ISBN 978-5-04-253533-8

© Достоевский Ф. М.

© Эксмо

Содержание

Шарлотта Гилман	5
Генри Джеймс	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тебе показалось. Классика газлайтинга

Шарлотта Гилман Жёлтые обои

1899

Обычным людям, вроде нас с Джоном, редко выпадает возможность заполучить на лето родовое поместье.

Колониальный особняк, наследственное имение, хочется даже сказать «дом с привидениями» – и достичь пика романтического восторга! – но просить такое у судьбы было бы слишком.

И всё же я с гордостью заявляю – с этим домом что-то не так.

Иначе почему он сдавался так дешево? И почему так долго пустовал?

Джон, конечно, надо мной посмеивается, но от мужей этого следует ожидать.

Джон практичен до крайности. Для религии он слишком нетерпелив, к суевериям испытывает глубокий ужас и открыто высмеивает любые разговоры о вещах, которые нельзя увидеть, пощупать и сосчитать.

Джон врач, и, возможно... (я бы не призналась в этом ни одной живой душе, но бездушная бумага всё стерпит, а для моего ума это большое облегчение) – возможно, именно поэтому я не выздоравливаю быстрее.

Дело в том, что он не считает меня больной. И что тут сделаешь?

Когда уважаемый в обществе врач, да ещё и собственный муж, уверяет друзей и родных, что с вами всё в порядке, за исключением временной нервной депрессии и лёгкой склонности к истерии – что тут поделать?

Мой брат – тоже врач и тоже уважаемый в обществе, и он говорит то же самое.

Так что я принимаю фосфаты или фосфиты, кто их разберёт, и укрепляющие средства, а ещё совершаю прогулки, дышу свежим воздухом и делаю упражнения, ну и мне строго-настрого запретили «работать», пока я не поправлюсь.

Лично я с этим не согласна.

Лично я считаю, что если работа по душе, если она бодрит и вносит в жизнь разнообразие, она пошла бы мне на пользу.

Но что тут поделать?

Я всё равно пыталась немного писать, несмотря на запреты, но меня это действительно сильно выматывает – приходится делать это тайком, иначе на меня снова обрушится шквал возражений.

Иногда мне кажется, что будь в моей жизни меньше возражений и больше общения и стимулов... но Джон говорит, что думать о своём состоянии – это вообще худшее, что я могу сделать, и, признаюсь, эти мысли и правда всегда меня удручают.

Так что оставлю-ка я их и расскажу лучше о доме.

Это чудесное место! Уединённое, на приличном расстоянии от дороги, до ближайшей деревни – три мили. Напоминает английские усадьбы, о которых читаешь в книгах: живые изгороди, стены, запирающиеся калитки и множество мелких построек для садовников и прислуги.

А какой прелестный здесь сад! Никогда прежде я не видела такого сада: большой, тенистый, с дорожками, окаймлёнными кустами самшита, и длинными виноградными галереями с уютными скамейками.

Когда-то здесь были теплицы, но сейчас они все разрушены.

Кажется, поместье было предметом судебной тяжбы – что-то связанное с наследниками и сонаследниками; так или иначе, этот дом пустовал долгие годы.

Боюсь, это разрушает атмосферу заколдованного поместья, но мне всё равно – есть в этом доме что-то странное, и я это чувствую.

Однажды лунным вечером я даже сказала об этом Джону, но он заявил, что всему виной сквозняк, и закрыл окно.

Иногда я злюсь на Джона без особых причин – раньше я никогда не была такой ранимой. Наверное, всё дело в нервном расстройстве.

Но Джон говорит, что из-за подобных чувств я вообще разучусь себя контролировать, поэтому я изо всех сил стараюсь сдерживаться – хотя бы при нём, а это очень утомительно.

Наша комната мне совершенно не нравится. Мне хотелось поселиться внизу, в комнате с выходом на веранду и окном, густо увитым розами, – там ещё милейшие ситцевые занавески, такие старомодные! Но Джон и слышать об этом не хотел.

Он сказал, что там только одно окно, две кровати поставить негде, а рядом нет комнаты, где он мог бы при необходимости уединиться.

Он всегда внимателен и заботлив, не разрешает мне и пальцем пошевелить без особого указания.

Мой день расписан по часам, муж снял с меня все заботы, и я чувствую себя неблагодарной дрянью, потому что недостаточно это ценю.

Он говорит, что мы приехали сюда специально ради меня, что я должна здесь как следует отдохнуть и надышаться свежим воздухом.

– Твоя физическая нагрузка зависит от того, сколько у тебя сил, дорогая, – говорит он, – а потребность в еде – от аппетита. Тогда как воздухом ты дышишь постоянно!

Вот мы и поселились в детской на верхнем этаже.

Это большая, просторная комната, занимающая почти весь этаж, здесь много воздуха и солнечного света – окна выходят на все стороны.

Судя по всему, сначала здесь была детская, а затем её переделали в игровую комнату и гимнастический зал, поэтому на окнах решётки – видимо, для безопасности малышей, а в стены вмонтированы кольца и другие крепления.

Краска и обои выглядят так, будто здесь квартировала школа для мальчиков. Обои местами содраны – большими кусками вокруг изголовья моей кровати, везде, куда дотягивается рука, и на другой стороне комнаты, у самого пола. В жизни не видела таких жутких обоев.

На них – один из тех аляповатых, кричащих узоров, которые нарушают все мыслимые и немыслимые законы искусства.

Узор довольно тусклый, чтобы запутать бегущий по нему взгляд, но довольно чёткий, чтобы постоянно раздражать и заставлять вглядываться, а когда глаз пытается какое-то время отслеживать эти неуклюжие, кривые линии, они вдруг лишают себя жизни: отскакивают под немыслимыми углами, растворяясь в нелепых комбинациях.

Цвет отталкивающий, почти омерзительный: тлеющий, грязно-жёлтый, причудливо выгоревший под меняющимися свой угол лучами солнца.

В некоторых местах сквозит тусклый, но зловещий оттенок оранжевого, а в других – болезненный зеленовато-жёлтый.

Неудивительно, что дети ненавидели эти обои! Я бы и сама их возненавидела, случись мне долго жить в этой комнате.

Так, Джон идёт, нужно заканчивать – мои попытки написать хоть слово выводят его из себя.

* * *

Мы здесь уже две недели – и всё это время, с того первого дня, браться за письмо мне совсем не хотелось.

Сейчас я сижу у окна этой ужасной детской и могу писать, сколько вздумается, пока хватает сил.

Джон отсутствует целыми днями, а иногда и ночами, когда приходится заниматься серьёзными случаями.

Я рада, что мой случай несерьёзный!

Но это нервное расстройство жутко подавляет.

Джон не знает, как сильно я на самом деле страдаю. Он убеждён, что причин для страданий нет, и этого ему достаточно.

Конечно, это всего лишь нервы. Но как мне плохо оттого, что я не могу выполнять никаких домашних дел!

Я должна была быть Джону верной помощницей, источником вдохновения и утешения, а вместо этого стала ему настоящей обузой!

Никто не поверит, каких усилий мне стоит делать то небольшое, что я ещё могу – одеваться, принимать гостей и распоряжаться по хозяйству.

Какое счастье, что Мэри прекрасно справляется с ребёнком. О, наш славный малыш!

Но как же жаль, что я не могу быть с ним: у меня тут же разыгрываются нервы.

А вот у Джона с нервами всегда был полный порядок. Он так надо мной потешается из-за этих обоев!

Сначала он хотел было их переклеить, но потом сказал, что я позволяю им взять верх над собой, а для пациента с нервным расстройством нет ничего хуже, чем поддаваться подобным фантазиям.

И ещё сказал, что вслед за обоями пришлось бы менять тяжёлый остов кровати, потом решётки на окнах, потом калитку наверху у лестницы – и так далее.

– Ты и сама видишь, что этот дом благотворно на тебя влияет, – сказал он. – И согласись, дорогая, глупо заново тут всё обустраивать ради каких-то трёх месяцев аренды.

– Тогда давай переберёмся вниз, – сказала я. – Там такие милые комнаты.

Тут он меня обнял, назвав блаженной дурочкой, и сказал, что готов жить хоть в подвале, если мне этого хочется, и по такому случаю даже организует его побелку.

И всё же он прав насчёт кроватей, окон и всего остального.

Комната действительно просторная и удобная, любому понравится, и уж конечно, я не настолько глупа, чтобы причинять ему неудобства из-за своей прихоти.

К тому же она мне даже начинает нравиться – всё, кроме этих жутких обоев.

Из одного окна я вижу сад – таинственные тенистые галереи, буйные заросли старомодных цветов, кусты и сучковатые деревья.

Из другого открывается чудесный вид на залив и небольшую пристань, принадлежащую поместью. К ней от дома ведёт дивная тенистая аллея.

Я часто представляю себе, что по этим бесчисленным дорожкам и галереям гуляют люди, но Джон говорит, что я ни в коем случае не должна поддаваться подобным фантазиям. Он считает, что при моём активном воображении и склонности к сочинительству нервное расстройство вызовет всевозможные фантастические видения и что я должна взять в кулак всю свою волю и здравый смысл, чтобы этого не допустить. Вот я и пытаюсь.

Иногда я думаю, что если бы здоровье позволяло мне хоть немного писать, это помогло бы мне избавиться от навязчивых идей и дало бы отдых уму.

Но стоит мне начать писать, как мною сразу овладевает усталость.

Удручает, что мне совершенно не с кем посоветоваться и обсудить свою работу. Джон говорит, что когда я совсем поправлюсь, мы пригласим в гости кузена Генри с Джулией; а пока же, по его словам, он скорее зажжёт фейерверк в моей наволочке, чем позволит мне находиться в компании столь воодушевляющих людей.

Вот бы я побыстрее поправилась!

Но об этом нельзя думать. Эти обои смотрят на меня так, будто знают, как плохо на меня влияют!

Там есть повторяющийся рисунок – узор обвисает, как сломанная шея, и два выпученных глаза смотрят на тебя снизу вверх.

Меня несказанно злит назойливый бег этих бесконечных линий. Они ползут вверх и вниз, они разбегаются в стороны, и кругом безумные, немигающие глаза.

В одном месте полосы не совпадают, и эти глаза скачут вверх и вниз, один чуть выше другого.

Никогда раньше я не видела такой выразительности в неодушевлённом предмете, а ведь все мы знаем, какими живыми они могут быть! В детстве, когда я лежала без сна, простая мебель и голые стены увлекали и пугали меня больше, чем иных детей – игрушки в магазине.

Помню, как ласково подмигивали мне ручки нашего старого массивного комода, а один из стульев был моим надёжным другом.

Я знала, что если какие-то вещи станут вдруг слишком пугать меня, я всегда смогу запрыгнуть на этот стул, и там меня никто не тронет.

Впрочем, огрехи мебели в этой комнате состоят всего лишь в том, что она здесь ни с чем не сочетается, поскольку нам пришлось перенести её снизу. Наверное, когда детская комната стала игровой, все детские вещи отсюда убрали, и неудивительно! Дети оставили здесь ужасную разруху – в жизни такой не видела!

Обои, как я уже говорила, во многих местах ободраны, а уж приклеены они были на совесть, «ближе иного брата» – должно быть, эти дети не только терпеть не могли свою комнату, но и отличались завидным упорством.

Пол испещрён царапинами, дырками и трещинами, штукатурка кое-где отбита, а огромная тяжёлая кровать – единственное, что здесь было, когда мы заезжали, – выглядит так, будто пережила не одну войну.

Но ничего из этого меня не беспокоит – только обои.

Вижу, сюда идет сестра Джона. Она чудесная девушка и так обо мне заботится! Нельзя, чтобы она заметила, что я снова пишу.

Она идеальная домохозяйка, просто изумительная – ей кажется, что лучше призвания и не найти. Думаю, она считает писательство причиной моей болезни!

Впрочем, я могу писать, когда её нет дома – здесь такие окна, что её приближение я вижу издалека.

Одно из них выходит прямо на дорогу – чудесную тропинку, тенистую и извилистую, а другое – на сельский ландшафт, не менее чудесный, с величественными вязами и бархатистыми лугами.

На обоях есть ещё один узор, дополнительный, другого оттенка, и он особенно меня раздражает, поскольку замечен лишь при определённом освещении, и то едва-едва.

Но там, где он не выцвел, и когда на него особым образом падают лучи солнца, я вижу странную, зыбкую, манящую фигуру, как будто скрывающуюся за этим безумным и нелепым основным узором.

Ой, золовка поднимается по лестнице!

* * *

Ну что же, День независимости позади! Все разъехались, а я совершенно измотана. Джон решил, что небольшая компания пойдёт мне на пользу, и у нас неделю гостили мама и Нелли с детьми.

Мне, конечно, не дали и пальцем пошевелить. Нынче всем заправляет Дженни.

Но я всё равно утомилась.

Джон говорит, что если я не начну поправляться быстрее, осенью он отошлёт меня к Уэйру Митчеллу.

Но мне к нему совершенно не хочется! Одна моя подруга лечилась у него – говорит, он такой же, как Джон и мой брат, если не хуже!

К тому же так далеко ехать – это же сплошные хлопоты.

Делать что-либо у меня нет совершенно никакого желания, и я становлюсь жутко капризной и раздражительной.

Плачу по пустякам и почти всё время.

Конечно, когда рядом Джон или кто-то ещё, я сдерживаюсь, но наедине с собой даю волю слезам.

А наедине с собой я теперь почти всегда. Джон часто остаётся в городе с тяжелобольными, а Дженни очень добра и оставляет меня одну, стоит только попросить.

Я немного гуляю в саду, прохаживаюсь по той чудесной аллее или сижу на веранде среди роз – но чаще просто лежу здесь, наверху.

Комната начинает мне нравиться всё больше и больше, несмотря на обои. А может, даже благодаря обоям.

Я на них просто заиклилась!

Лежу здесь, на этой огромной, неподъёмной кровати – по-моему, она приколочена к полу – и часами слежу за этим узором. Уверяю вас, это бодрит не хуже гимнастики. Начинаю, скажем, с нижнего угла, вон там, где обои не повреждены, и в тысячный раз обещаю себе во что бы то ни стало проследить этот бессмысленный узор до его логического завершения.

Я немного разбираюсь в правилах композиции и вижу, что этот орнамент не подчиняется ни законам расхождения лучей, ни логике чередования, повторения и симметрии – ничему из того, что я об этом слышала.

Узор, конечно, повторяется в каждой из полос, но и только.

С одной стороны кажется, что каждая полоса живёт своей жизнью: раздутые завитки и изгибы ползут вверх и вниз бессмысленными колоннами, и всё это в деградировавшем романском стиле с признаками делирия.

Но можно посмотреть на них по-другому, и тогда они совмещаются по диагонали: размашистые узоры разбегаются гигантскими косыми волнами оптического ужаса, словно стая мечущихся и подгоняющих друг друга водорослей.

Есть у рисунка и горизонтальное направление, ну то есть мне так кажется, и я изнуряю себя попытками понять логику этого движения.

К тому же бордюр оклеен горизонтальной полосой, и это лишь усугубляет неразбериху.

В одном конце комнаты обои почти нетронуты, и вот там, когда перекрёстные лучи меркнут, а заходящее солнце светит прямо на стену, я почти вижу упорядоченное расхождение лучей – нескончаемые, причудливые узоры собираются в единый центр, а затем стремительными, равноудалёнными рывками уносятся прочь.

Следить за ними очень утомительно. Пойду-ка я вздремну.

* * *

Сама не знаю, зачем пишу всё это. Мне не хочется.

И сил никаких нет. Да и Джон наверняка назвал бы всё это абсурдом. Но нужно же мне хоть как-то выплёскивать свои чувства и мысли – мне потом становится так легко!

Хотя в последнее время затраченные усилия перевешивают эту лёгкость.

Большую часть дня я не могу побороть лень и часто ложусь передохнуть.

Джон говорит, что я должна экономить силы, и заставляет меня пить рыбий жир, укрепляющие лекарства и прочие средства, не говоря уже о пиве, вине и мясе с кровью.

Мой славный Джон! Он так меня любит и так переживает из-за моей болезни. На днях я попробовала серьёзно с ним поговорить – хотела попросить его отпустить меня в гости к кузену Генри и Джулии.

Но он сказал, что я не осилю поездку, а даже если и доберусь, долго там не выдержу; ну и у меня не очень получилось его убедить, поскольку я расплакалась, не успев закончить фразу.

Мне становится всё труднее мыслить ясно. Наверное, причина в слабых нервах.

А милый Джон взял меня на руки, отнёс наверх, уложил в постель, сел рядом и читал мне вслух, пока голова моя не отяжелела.

Он сказал, что я – всё, что у него есть в этой жизни, его главное сокровище и отрада, и что ради него я должна заботиться о себе, чтобы поскорее выздороветь.

Сказал, что лишь я сама могу побороть болезнь и что мне следует направить всю свою волю и самообладание на то, чтобы не позволить глупым фантазиям взять верх.

Одно меня утешает: ребёнок здоров и счастлив, и ему не нужно жить в комнате с этими жуткими обоями.

Ведь если бы мы не заняли эту детскую, пришлось бы поселить сюда наше славное дитя! Как же хорошо, что этого не случилось! Чтобы мой ребёнок – милый, впечатлительный малыш – жил в такой комнате – да никогда в жизни!

Раньше я об этом не задумывалась, но теперь вижу, что Джон совершенно правильно оставил меня здесь – понимаете, ведь я смогу перенести это куда легче, чем ребёнок.

Им, конечно, я ничего говорить не буду – всё-таки голова у меня ещё на месте, – но я продолжаю следить за обоями.

В них есть нечто, о чём не знает ни одна живая душа, и никогда не узнает.

Неясные формы, скрывающиеся за внешним узором, с каждым днём становятся всё чётче.

Это всегда одна и та же фигура, только размноженная.

Её очертания напоминают женщину – согнувшуюся и ползущую за главным узором. Не нравится мне всё это. Я думаю... мне кажется... как бы я хотела, чтобы Джон забрал меня отсюда!

* * *

Мне очень тяжело говорить с Джоном о своей болезни, ведь он такой мудрый и так меня любит.

Но вчера я попыталась.

Была лунная ночь – луна освещала всё вокруг, как солнце – днём.

Иногда я просто не выношу её вида – она медленно крадётся по небу, появляясь то в одном окне, то в другом.

Джон спал, и будить его мне очень не хотелось, поэтому я тихо лежала и рассматривала в лунном свете волнистый рисунок обоев, пока мне не стало совсем жутко.

Мне показалось, что неясная фигура трясёт узор, словно силясь выйти наружу.

Я тихонько встала и пошла проверить, правда ли там кто-то движется, а когда вернулась, Джон уже не спал.

– Что такое, моя девочка? – спросил он. – Лучше не расхаживай здесь налегке, а то простудишься.

Я решила, что это хороший момент для разговора, и сказала ему, что плохо здесь поправляюсь и хочу, чтобы он увёз меня отсюда.

– Но как же так, дорогая? – сказал он. – Наша аренда истекает через три недели – мы не можем уехать раньше. Ремонт у нас дома ещё не закончен, а уехать из города я сейчас не могу. Конечно, если бы тебе грозила опасность, я бы бросил всё, но тебе здесь стало куда лучше, милая, хоть ты сама этого и не замечаешь. Поверь мне, я же врач. Ты прибавляешь в весе, у тебя появился румянец, и ешь ты с аппетитом – я теперь за тебя гораздо спокойнее.

– В весе я не прибавила, – сказала я, – скорее, наоборот; а аппетит у меня появляется вечером, когда ты рядом, но по утрам, когда ты в городе, я вообще не хочу есть!

– Вот же моё сердечко! – сказал он, крепко меня обняв. – Она болеет тогда, когда ей вздумается! Но давай же не будем тратить зря ночные часы и ляжем спать, а с утра всё обсудим!

– Значит, ты не увезёшь меня отсюда? – мрачно спросила я.

– Но как я могу, дорогая? Осталось всего три недели, а потом мы съездим куда-нибудь на несколько дней, пока Дженни готовит дом к нашему прибытию. Право же, милая, тебе гораздо лучше!

– Физически, может, и лучше, – начала я, но сразу осеклась, потому что он вдруг сел в кровати и посмотрел на меня таким строгим, укоризненным взглядом, что я не смогла произнести больше ни слова.

– Милая моя, – сказал он, – умоляю тебя, ради меня, ради нашего ребёнка и твоего же блага, не позволяй этой идее завладеть твоим разумом ни на секунду! Нет ничего опаснее – и в то же время притягательнее – для твоей увлекающейся натуры. Всё это глупые фантазии, не имеющие ничего общего с реальностью. Я врач, и я знаю, что говорю, неужто ты мне не веришь?

Я, конечно, перечить не стала, и вскоре мы легли спать. Он подумал, что я заснула первой, но я не спала, а несколько часов подряд разглядывала основной узор и то, что было за ним, пытаюсь определить, движутся ли они вместе или по отдельности.

* * *

При свете дня этот узор нарушает всякую логику, сопротивляется любым законам и постоянно раздражает здоровый ум.

И цвет-то у обоев ужасен, непостоянен и способен довести до белого каления, а уж узор – настоящее мучение.

Ты думаешь, что загадка разрешена и путь этих линий почти уже пройден, как вдруг рисунок совершает кульбит, и ты снова остаёшься ни с чем. Он хлещет тебя по лицу, сбивает с ног и топчется сверху. Он словно ночной кошмар.

Внешний узор весь состоит из пышных завитков, напоминающих грибовый нарост. Представьте себе сросшиеся поганки, бесконечную вереницу поганок, множащихся и разрастающихся в извечных изгибах, – вот на что это было похоже.

Ну то есть иногда.

У этих обоев есть одна явная особенность, которую вижу, кажется, только я одна, – они меняются в зависимости от освещения.

Когда солнце светит через восточное окно – а я всегда жду, когда появится тот самый первый, прямой и длинный луч, – обои преобразуются так быстро, что я не верю своим глазам.

Поэтому я постоянно за ними наблюдаю.

В лунном же свете – а луна, если уж появляется, то светит в окна всю ночь – трудно поверить, что это те же обои.

По ночам при любом свете – в сумерках, в отблесках свечей или лампы, а хуже всего – при луне – узор превращается в решётку! Я о внешнем узоре, за которым в такие мгновения отчётливо видна женщина.

Я долго не понимала, что скрывается за основным слоем, что это за неясная фигура, но теперь я совершенно уверена, что там женщина.

При дневном свете она тиха и незаметна. Видимо, это узор её сдерживает. Он такой запутанный. Из-за него я и сама часами лежу неподвижно.

А лежу я теперь почти всё время. Джон говорит, что мне это пойдёт на пользу и что нужно спать как можно больше.

Собственно, он сам приучил меня к этому, заставляя прилечь на часок после каждого приёма пищи.

Ничего хорошего в этой привычке нет, скажу я вам, ведь на самом-то деле я не сплю.

А из-за этого приходится хитрить, ведь я не признаюсь им, что бодрствую – о, нет!

По правде говоря, я начинаю немного бояться Джона.

Время от времени он кажется очень подозрительным, да и Дженни смотрит на меня странным взглядом.

Иногда я думаю – ну, в виде научной гипотезы, – что дело в обоях!

Я наблюдала за Джоном, когда он об этом не догадывался – периодически он входит в комнату под каким-нибудь невинным предлогом, и я несколько раз ловила его на том, что он разглядывает обои! И Дженни тоже. Я видела, как однажды она провела по ним рукой.

Она не видела меня в комнате, и когда я тихим, очень тихим голосом, в исключительно сдержанном тоне спросила её, зачем ей вздумалось трогать обои, она обернулась, будто пойманная за воровством, и выглядела при этом очень рассерженной – мол, зачем я так её пугаю!

Потом она сказала, что эти обои пачкают всё, к чему прикасаются, и что она обнаружила жёлтые пятна на нашей с Джоном одежде, и ей бы очень хотелось, чтобы впредь мы были аккуратнее!

Звучит довольно невинно, правда? Но я-то знаю, что она изучала узор, а разгадать его тайну не должен никто, кроме меня!

* * *

Жизнь моя заиграла новыми красками. Ведь теперь у меня есть к чему стремиться, чего ждать и за чем наблюдать. Аппетит мой и правда улучшился, и я стала гораздо спокойнее.

Джон так рад, что мне лучше! На днях он усмехнулся и сказал, что, несмотря на эти мои обои, я, похоже, расцветаю.

Я ответила ему лёгким смешком. Говорить ему, что это как раз из-за обоев, я не собиралась – иначе он стал бы издеваться, а то и решил бы увезти меня отсюда.

А я не хочу никуда уезжать, пока не разгадаю их тайну. Осталась ещё неделя – думаю, этого времени хватит.

* * *

Я чувствую себя гораздо, гораздо лучше! Ночью я почти не сплю – именно тогда интереснее всего наблюдать за метаморфозами, поэтому спать приходится днём.

Днём исследовать рисунок трудно и утомительно.

На грибах постоянно появляются новые наросты, к тому же в новых оттенках жёлтого. Мне не удастся отследить их все, хотя я честно пытаюсь.

Какого странного жёлтого цвета эти обои! Он вызывает в памяти всё желтое, что я видела в жизни, но не красивое, вроде лютиков, а старое, грязное и противное.

Есть и ещё кое-что: их запах! Я уловила его сразу, как только мы зашли в эту комнату, но было тепло и солнечно, поэтому он не так ощущался. Теперь же, после недели дождей и туманов, открыты тут окна или нет – запах чувствуется постоянно.

Он расплзается по всему дому.

Я чувствую, как он крадётся по гостиной, витает в столовой, прячется в холле, подстерегает меня на лестнице.

Он въелся в мои волосы.

Даже когда я выхожу прокатиться верхом, стоит мне внезапно повернуть голову и застать его врасплох, как он тут как тут!

И такой он своеобразный, этот запах! Я часами его анализировала, пытаюсь понять, на что он похож.

Он не то чтобы плохой, по крайней мере сначала, и очень лёгкий, но при этом я в жизни не встречала настолько неуловимого и стойкого аромата.

А в сырую погоду он просто ужасен – я просыпаюсь ночью и чувствую, как он нависает надо мной.

Поначалу меня это беспокоило. Я даже всерьёз подумывала, не поджечь ли дом – чтобы добраться до этого запаха.

Но теперь я привыкла. Есть лишь одно, с чем я могу его сравнить: с цветом обоев! Жёлтый запах.

На этой стене есть очень странная отметина, вон там внизу, у плинтуса: прямая, длинная и ровная полоса тянется по всему периметру комнаты, даже за мебелью, кроме кровати. Как будто в этом месте кто-то снова и снова тёрся об стену.

Не представляю, кто это сделал, как и зачем. Круг за кругом, круг за кругом, круг за кругом... мне от этого просто дурно становится!

* * *

Наконец-то мне удалось кое-что обнаружить.

Я так долго вглядывалась в узор по ночам, когда он преображается, что в итоге поняла.

Внешний узор и правда шевелится – и неудивительно! Его трясёт притаившаяся позади женщина!

Иногда мне кажется, что женщин там много, а иногда – что только одна, и ползает она очень быстро, из-за чего весь узор приходит в движение.

В самых ярких местах она замирает, а в самых тёмных – хватается за прутья решётки и изо всех сил трясёт их.

При этом она постоянно пытается выбраться наружу. Но сквозь узор никому не проваться – он душит и душит; наверное, поэтому там так много голов.

Они пытаются выбраться, но узор душит их и переворачивает, и глаза у них становятся белыми!

Если бы кто-то прикрыл или убрал эти головы, было бы не так страшно.

* * *

Кажется, эта женщина днем всё-таки выходит! Скажу вам, откуда я это знаю – строго между нами, – я её видела!

Её видно изо всех окон этой комнаты!

Это та самая женщина, я точно знаю, потому что она всё время передвигается ползком, а большинство женщин днём не ползают.

Я вижу её на той длинной дороге в тени деревьев, она ползёт вперёд и прячется от проезжающих экипажей в кустах ежевики.

Вообще-то я её не виню. Должно быть, это весьма унижительно, когда тебя застают ползающей среди бела дня!

Когда я ползаю днём, всегда запираю дверь. Ночью я не могу этим заниматься, иначе Джон сразу же что-то заподозрит.

А он нынче ведёт себя так странно, что я не хочу его раздражать. Вот бы он переехал в другую комнату! Не хочу, чтобы ночью эту женщину выпустил кто-то кроме меня!

Интересно, можно ли увидеть её во всех окнах сразу.

Но как бы быстро я ни поворачивалась, я всегда вижу её лишь в одном окне.

И хотя я не спускаю с неё глаз, ползает она, судя по всему, быстрее, чем я поворачиваюсь!

Несколько раз я видела её очень далеко, на открытом пространстве – она ползла так стремительно, будто тень облака на быстром ветру.

* * *

Если бы только можно было отодрать верхний узор от нижнего! Я собираюсь попробовать, кусочек за кусочком.

Я обнаружила ещё одну забавную вещь, но в этот раз я вам ничего не скажу! Нельзя слишком доверять людям.

Осталось всего два дня, чтобы разобраться с обоями, а Джон, кажется, начинает что-то замечать. Не нравится мне, как он на меня смотрит.

И я слышала, что он задавал Дженни кучу врачебных вопросов обо мне. Уж она отчиталась перед ним по полной программе.

Сказала, что днём я много сплю.

Джон и сам знает, что ночью мне спится плохо, хоть я и стараюсь лежать тихо-тихо!

Он и мне задавал всякие вопросы, притворяясь любящим и добрым.

Как будто я не вижу его насквозь!

Впрочем, неудивительно, что он так себя ведёт – три месяца спать в комнате с этими обоями!

Увлечена ими лишь я одна, но наверняка они незаметно повлияли и на Джона, и на Дженни.

* * *

Ура! Сегодня последний день, но этого времени мне хватит. Джон остался в городе на ночь – и не вернётся до вечера.

Дженни хотела переночевать со мной – вот ведь какая хитрая! Но я сказала, что отдохну куда лучше, если буду одна.

Это я здорово придумала, ведь я вовсе не была одна! Как только выглянула луна и эта бедняжка принялась ползать и трясти узор, я вскочила и бросилась ей на помощь.

Она трясла, а я тянула, потом она тянула, а я трясла, и под утро мы содрали несколько ярдов этих обоев.

Полкомнаты освободили, где-то до уровня моего роста.

А когда взошло солнце и этот мерзкий узор начал смеяться надо мной, я решила, что расправляюсь с ним сегодня же!

Завтра мы уезжаем, и мебель отсюда снова переносят вниз, чтобы оставить тут всё как было.

Дженни удивилась, когда увидела стену, но я весело сказала ей, что сделала это, потому что меня бесят эти мерзкие обои.

Она рассмеялась и сказала, что и сама бы не прочь с ними расправиться, но напонила, что мне нельзя переутомляться.

Вот тут-то она себя и выдала!

Но я ещё здесь, и никто, кроме меня, не прикоснётся к обоям – ни одна живая душа!

Она попыталась выманить меня из комнаты – какая наивная уловка! Я ответила ей, что здесь теперь так пусто, чисто и спокойно, что лучше я прилягу и попробую поспать, сколько смогу, и что к ужину будить меня не надо – как только я проснусь, я её позову.

И вот она ушла, и слуги ушли, и унесли все вещи, и ничего здесь больше не осталось, кроме этой огромной, приколоченной к полу кровати с брезентовым матрасом, который был здесь с самого начала.

Этой ночью мы будем спать внизу, а завтра сядем на паром и отправимся домой.

Теперь, когда комната снова пуста, мне она даже нравится. Ну и разгром тут устроили эти дети!

Остов кровати словно весь изгрызен! Но пора приниматься за дело.

Я заперла дверь и выбросила ключ на дорожку перед домом.

Выходить я не собираюсь, а входить сюда никто не должен, пока не приедет Джон.

Хочу его удивить.

У меня есть верёвка, которую мне удалось скрыть даже от Дженни. Если та женщина выберется и попытается сбежать, я её свяжу!

Вот только я не сообразила, что не смогу дотянуться до верха – здесь не осталось ничего, на что можно встать!

А кровать не поддаётся!

Я пыталась приподнять её или сдвинуть, но только ушибла ногу и в итоге так разозлилась, что отгрызла кусочек дерева в углу кровати, отчего у меня заныли зубы.

Потом я отодрала все обои там, куда смогла дотянуться с пола. Приклеены они намертво, и этот узор явно измывается надо мной! Все эти задущенные головы, выпученные глаза, ползущие грибные наросты просто визжат от смеха!

Меня так это злит, что я готова на отчаянный шаг. Выпрыгнуть из окна было бы просто прекрасно, но решётки такие прочные, что и пытаться не стоит.

Да я бы и не стала. Ни в коем случае. Неужто я не знаю, что это недостойный поступок и его могут неправильно истолковать.

Мне и выглядывать-то из окон не хочется: там столько этих ползающих женщин, и передвигаются они очень быстро.

Интересно, они все вылезли из обоев, как и я?

Но теперь я надёжно привязана той верёвкой, которую припрятала – на дорогу меня ни за что не вытащить!

Думаю, с наступлением ночи мне придётся вернуться за узор, а это нелегко!

Так приятно свободно ползать по этой просторной комнате, сколько душе угодно!

Из дома выходить я не желаю. Не выйду, даже если Дженни попросит.
Ведь там придётся ползать по земле, а вокруг всё зелёное, а не жёлтое.

А здесь я могу легко ползти по полу, и моё плечо точно вписывается в эту длинную полосу на стене, так что я не потеряюсь.

Ой, вот и Джон за дверью!

Бесполезно, юноша, вам её не открыть! Как же он кричит и стучит!

А теперь кричит, чтобы принесли топор.

Как не стыдно ломать такую красивую дверь!

– Джон, милый, – нежнейшим голосом сказала я, – ключ внизу, у лестницы, под листом подорожника!

Это заставило его ненадолго умолкнуть.

Потом он сказал, очень тихо:

– Открой дверь, дорогая моя!

– Не могу, – сказала я. – Ключ внизу, у входной двери, под листом подорожника!

Я повторяла это снова и снова, очень мягко и медленно, пока наконец он не соизволил спуститься вниз и проверить. Конечно, он нашёл ключ и отпер дверь. Но на пороге замер как вкопанный.

– Что с тобой? – воскликнул он. – Ради бога, что ты делаешь!

Не переставая ползти, я взглянула на него через плечо.

– Наконец-то я выбралась, – сказала я, – назло вам с Джейн. А обои я почти все сорвала, так что обратно вам меня не упрятать!

Ну и с чего бы ему падать в обморок? Но он упал, к тому же прямо у стены на моём пути, и каждый раз мне приходилось через него переползать!

Генри Джеймс

Поворот винта

Повесть

Мы сидели перед камином и, затаив дыхание, слушали рассказчика, однако, помимо того, что рассказ был страшный, как оно и полагается в старом доме накануне Рождества, помнится, никаких комментариев на этот счет не последовало, пока кто-то не обронил замечания, что он впервые слышит, чтобы такой призрак явился ребенку. Упомяну, кстати, что речь шла о появлении призрака в точно таком же старом доме, в каком собрались мы. Маленькому мальчику, спавшему в одной комнате с матерью, явилось самое ужасное привидение; он разбудил мать – не для того, чтобы она успокоила и снова убаюкала его, но чтобы она и сама, прежде чем успокоить ребенка, увидела то, что так его напугало. Как раз эти слова, не сейчас же, а позже вечером, вызвали у Дугласа реплику, на любопытное следствие которой я обращаю внимание читателя. Кто-то из нас рассказал еще одну, не слишком увлекательную историю, но, сколько я мог заметить, Дуглас ее не слушал. Судя по этому признаку, я решил, что ему самому хочется что-то рассказать, а слушателям остается только ждать, когда он начнет. И в самом деле, нам пришлось дожидаться всего два дня, но еще в тот же вечер, перед тем как мы разошлись по комнатам, он высказал то, что лежало у него на душе.

– Каков бы ни был призрак мистера Гриффина, я совершенно согласен, что в его появлении ребенку такого нежного возраста есть нечто странное. Насколько мне известно, это не первый случай подобного рода, когда в событии участвует ребенок. Если один ребенок дает действию новый поворот винта, то что вы скажете о двух детях?

– Мы, разумеется, скажем, что это дает винту два поворота! А кроме того, то, что мы хотим о них послушать.

Как сейчас вижу Дугласа, стоящего перед камином; повернувшись к огню спиной и засунув руки в карманы, он глядел на собеседников сверху вниз.

– До сих пор никто не знает этой истории, кроме меня. Уж слишком она страшна.

Естественно, раздалось несколько голосов, утверждавших, что это-то и придает ей особенную цену, а наш друг, спокойно предвкушая свои триумф, обвел взглядом всех собравшихся и продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.